

**ВОЕННЫЙ
АРХИВ**

Александр
ШИРОКОРАД

**ТЫСЯЧЕЛЕТНЯЯ
БИТВА
ЗА ЦАРЬГРАД**

Александр Борисович Широкоград

Тысячелетняя битва за Царьград

Серия «Военный архив»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23287448

*Тысячелетняя битва за Царьград / А. Б. Широкоград: Вече; Москва;
2013*

ISBN 978-5-4444-8657-3

Аннотация

Борьба за Константинополь и за контроль над Черноморскими проливами длится уже свыше 1000 лет. Византийские императоры, а затем турецкие правители, не допуская свободный выход России в Средиземное море, сделали Константинополь болевой точкой нашей страны. К сожалению, советские и нынешние либеральные историки всеми силами «смазывают» эту животрепещущую проблему и пытаются свести ее к амбициям отдельных князей, царей и генсеков. Автор впервые попытался представить события этой тяжелой тысячелетней войны в целом и без идеологических купюр. Книга написана популярным языком и предназначена для самых широких слоев читателей, интересующихся прошлым нашей Родины.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Александр Борисович Широкоград Тысячелетняя битва за Царьград

© Широкоград А. Б., 2013

© ООО «Издательство „Вече“», 2013

*Тогда во славу Руси ратной,
Строптиву греку в стыд и страх,
Ты пригвоздил свой щит булатный
На цареградских воротах.*

А.С. Пушкин¹

---

¹ Пушкин А.С. Олегов щит. ПСС. М., 1957. Т. 3. С. 120.

Глава 1

Кто такой Аскольд и кто такие россы?

В IX–XI вв. многие десятки отрядов норманнов (варягов) приезжали на Русь, часть из них следовала без остановки по знаменитому пути «из варяг в греки», а часть нанималась на службу к русским князьям. Прослужив какое-то время, часть из них возвращалась в Скандинавию, а многих привлекали полноводные реки, могучие леса, красивые славянские девушки, и они оставались, чтобы вместе с местным населением рубить города и громить врагов. Они-то и стали, неважно, в какой пропорции, основой великого народа русского.

Князь Аскольд был предводителем варяжской дружины, осевшей в середине IX в. в Киеве. Согласно «Повести временных лет», Аскольд и Дир были воеводами Рюрика, но это явно позднейшая вставка.

Помимо походов на Византию Аскольд вел частые войны с кочевниками. В русской летописи говорится, что в 872 г. болгарами был убит сын Аскольда. В 875 г. Аскольд «избивша множество печенег». Византийский император Василий I (867–886) называл Аскольда «прегордым Каганом северных скифов».

После похода 860 г. где-то в 862–866 гг. был еще один по-

ход Аскольда или большое посольство в Византию. В любом случае, дело закончилось взаимным миром. При этом, по сообщениям византийских источников и русской летописи, Аскольд крестился и получил христианское имя Николай. Приняла христианство и часть его дружины. Позже Иоакимовская летопись назовет его «блаженным князем», а княгиня Ольга возведет над его могилой христианскую церковь.

После смерти Рюрика в 879 г. северными славянскими землями стал править князь Олег, родственник Рюрика, поскольку сын Рюрика Игорь был еще ребенком. В 882 г. Олег собрал войско из варягов и славян и двинулся на ладьях на юг. Как сказано в летописи, «приде к Смоленску и прия град и посади муж свои, оттуда поиде вниз и взя Любеч, посади муж свои». Перевести это, видимо, следует так: Смоленск сдался Олегу без боя, а Любеч пришлось штурмовать, и в обоих городах Олег оставил свои гарнизоны.

Подплывая к Киеву, Олег велел замаскировать свои ладьи под купеческие суда. Часть воинов изображала гребцов, а большинство легло на дно ладей. Ладьи пристали у Угорской горы, оттуда Олег послал гонцов сказать киевским князьям, что они варяги-купцы и плывут из Новгорода в Константинополь. Аскольд и Дир с небольшой свитой вышли из города для осмотра товаров. Когда они подошли к ладьям, оттуда выскочили варяги и убили обоих князей. После этого Киев без сопротивления сдался Олегу.

Согласно летописи, Олег будто бы сказал киевским кня-

зьям: «Вы не князья, ни роду княжеского, а я роду княжеского», и, указывая на вынесенного в это время из ладьи Игоря, прибавил: «Вот сын Рюриков».

Видимо, в летописи сохранилось какое-то воспоминание о подлинных исторических событиях, но в целом она малоубедительна.

Начнем с личностей Аскольда и Дира. Патриарх советской исторической науки академик Борис Александрович Рыбаков писал: «Личность князя Дира нам не ясна. Чувствуется, что его имя искусственно присоединено к Оскольду, так как при описании их, якобы совместных, действий грамматическая форма дает нам единственное, а не двойственное или множественное число, как следовало бы при описании совместных действий двух лиц»².

Три арабских автора IX-X вв. – ал-Йа'куба, Ибн Хаукаль и ал-Мас'уди – упоминают о набегах русов в Испанию. В частности, «ар-рус» в 844 г. напали на город Севилью. Причем упоминается предводитель русов какой-то Аскольд аль-Дир.

Замечу, что имя Ashold, или Asholt, в переводе с готского обозначает «честь ариев». Его давали будущим воинам, судьба которых была заранее predetermined. А Дир – это прозвище Аскольда. В переводе с готского Dyr, Djur означает «зверь».

Через несколько лет Аскольд аль-Дир приходит в Киев и, судя по всему, занимает его без борьбы. Киевляне признают

---

² Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества. М.: Наука, 1993. С. 308.

его своим князем. А вот позже русские летописцы, видимо, из-за какой-то описки в не дошедших до нас манускриптах превратили князя русов в двух князей – Аскольда и Дира.

Глава 2

Русь и Византия – от войны к партнерству

Для наших историков стало традицией считать захват Киева Олегом в 882 г. датой основания древнерусского Киевского государства.

Земли Киевской Руси имели довольно слабые политические и экономические связи как со столицей, так и между собой. Впрочем, это характерно и для других государств Европы конца IX в., таких, как, например, Западно-франкское и Восточно-франкское королевства, Великоморавское государство, Болгарское царство и др. Но до 1991 г. ни у одного серьезного историка не возникало сомнений, что у всех славянских племен, входивших в Древнерусское государство, был один язык, одни верования, и они были одним народом. Что же касается варяжского элемента в Киевском государстве, то большинство варягов ассимилировалось, а остальные, прослужив несколько лет у киевского князя, отправлялись служить в Византию, а в отдельных случаях возвращались на историческую родину.

Главной целью внешней политики первых киевских князей являлось обеспечение нормального функционирования пути из «варяг в греки».

Купцы на Волге, Дону и даже на Днепре постоянно подвергались нападениям кочевников. В свою очередь русские князья регулярно ходили в походы на кочевников в отместку за их набеги на русские земли и за грабежи купцов.

Так, в 964 г. киевский князь Святослав идет в поход на вятичей на Оку. Весной 965 г. Святослав строит на Оке флотилию ладей и спускается в низовья Волги, по пути разорив город Булгар, находившийся немного ниже впадения Камы в Волгу. В дельте Волги русы захватывают хазарский город Итиль и разрушают его. В ходе этого похода Святослав разгромил Хазарский каганат.

Но куда больше, чем кочевники, торговле русских досаждали притеснения греков в Черноморских проливах.

Добиться свободы торговли и мореплавания на Черном море можно было только силой оружия. В 907 г. Олег, оставив Игоря в Киеве, отправился в поход на Константинополь. Конные воины двинулись берегом, а большинство ратников – на судах. Согласно русской летописи, у Олега было 2000 судов, на каждом из которых размещалось по 40 человек. Таким образом, только морем шла восьмидесятитысячная рать. Это, естественно, многократное преувеличение летописца, но бесспорно, что число ратников было очень велико.

Когда в Босфор вошли сотни русских судов, греки «замкоша суд», то есть перекрыли судовой ход в залив Золотой Рог в Константинополе боновыми заграждениями, состоявшими из бревен и цепей. Согласно летописи, Олег вытащил

свои ладьи на берег, поставил на катки и, пользуясь попутным ветром, двинулся к столице, распустив паруса. Целесообразность и правдоподобие этой операции представляются сомнительными. Князю значительно проще было оставить свои корабли на берегу, а не тащить их под стены столицы и лишать себя возможности быстрого отхода при изменении ситуации в пользу греков, например, при подходе большой армии из южных провинций Византии, как во время похода 860 г.

В ходе непродолжительной осады Константинополя часть русского войска рассеялась по окрестностям византийской столицы и разорила их. Согласно русской летописи, «много палат разбили и церквей пожгли; пленных секли мечами, других мучили, расстреливали, бросали в море».

В конце концов греки пообещали Олегу выплатить огромную контрибуцию – по 12 гривен на весло (по другим сведениям, на корабль).

Согласно летописи, «греки выслали ему кушанье и напитки с отравою, что Олег догадался о коварстве и не коснулся присланного и что тогда греки в испуге говорили: „Это не Олег, но святой Димитрий, посланный на нас богом“. Приведенный рассказ замечателен по тому представлению, которое (наши летописцы) имели о характере греков и о характере вещего Олега: самый хитрый из народов не успел обмануть мудрого князя! Олег, – продолжает летопись, – отправил к императору послов – Карла, Фарлофа, Велмуда, Ру-

лава и Стемира, которые вытребовали по 12 гривен на корабль да еще клады на русские города: Киев, Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов, Любеч и другие, потому что в тех городах сидели Олеговы мужи; Олег требовал также, чтобы русь, приходящая в Царьград, могла брать съестных припасов, сколько хочет; гости (купцы) имеют право брать съестные припасы в продолжение шести месяцев – хлеб, вино, мясо, рыбу, овощи; могут мыться в банях, сколько хотят, а когда пойдут русские домой, то берут у царя греческого на дорогу съестное, якори, канаты, паруса и все нужное. Император и вельможи его приняли условия, только с следующими изменениями: русские, пришедшие для дел торговли, не берут месячины; князь должен запретить своим русским грабить села в стране греческой; русские, пришедши в Константинополь, могут жить только у св. Мамы (храм Св. Маманта в предместье Константинополя. – *А.Ш.*), император пошлет переписать их имена, и тогда они будут брать свои месячины – сперва киевляне, потом черниговцы, переяславцы и другие; входить в город будут они одними воротами, вместе с чиновником императорским, без оружия, не более 50 человек и пусть торгуют, как им надобно, не платя никаких пошлин»³.

Император Леон (Лев VI, годы правления 886–912) целовал крест в соблюдении договора. Олег и его мужи клялись

---

³ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959. Кн. I. С. 141–142.

оружием и славянскими богами Перуном и Велесом. Любопытно, что и в 907 г., и через четыре года, когда послы из Киева приезжали за подтверждением договора, из четырнадцати человек лишь двое имели славянские имена – Велемудр и Стемир, а остальные – скандинавские: Карл, Фарлаф, Рулав, Руальд, Труан и т. д. Но оба раза все послы клялись славянскими богами.

Согласно легенде, именно в этом походе Олег демонстративно прибил свой щит к воротам Константинополя в знак покорения греков его воле.

После смерти Олега в июне 912 г. на киевский престол вступил сын Рюрика Игорь. Летом 941 г. Игорь предпринял морской поход на Константинополь. Об этом походе довольно подробно сообщают две византийские хроники X в. Вот, например, выдержки из хроники Продолжателя Феофана:

«Одиннадцатого июня четырнадцатого индикта (941 г.) на десяти тысячах судов приплыли к Константинополю росы... Против них со всеми дромонами и триерами, которые только оказались в городе, был отправлен патрикий. Он снарядил и привел в порядок флот, укрепил себя постом и слезами и приготовился сражаться с росами. Когда росы приблизились и подошли к Фаросу (Фаросом называется сооружение, на котором горит огонь, указывающий путь идущим в ночи), патрикий, расположившийся у входа в Евксинский понт, неожиданно напал на них на Иероне, получившем такое название из-за святилища, сооруженного аргонавтами во вре-

мя похода. Первым вышедший на своем дромоне патрикий рассеял строй кораблей росов, множество их спалил огнем, остальные же обратил в бегство. Вышедшие вслед за ним другие дромоны и триеры довершили разгром, много кораблей потопили вместе с командой, многих убили, а еще больше взяли живыми. Уцелевшие поплыли к восточному берегу, к Сторе (место на вифинском побережье). И послан был тогда по суше им на перехват из стратигов патрикий Варда Фока с всадниками и отборными воинами. Росы отправили было в Вифинию изрядный отряд, чтобы заpastись провиантом и всем необходимым, но Варда Фока этот отряд настиг, разбил наголову, обратил в бегство и убил его воинов. Пришел туда во главе всего восточного войска и умнейший domestic схол Иоанн Куркуас, который, появляясь то там, то здесь, немало убил оторвавшихся от своих врагов, и отступили росы в страхе перед его натиском, не осмеливаясь больше покидать свои суда и совершать вылазки. Много злодеяний совершили росы до подхода ромейского войска: предали огню побережье Стена (т. е. Босфора), а из пленных одних распинали на кресте, других вколачивали в землю, третьих ставили мишенями и расстреливали из луков. Пленным же из священнического сословия они связали за спиной руки и вгоняли им в голову железные гвозди. Немало они сожгли и святых храмов. Однако надвигалась зима, у росов кончалось продовольствие, они боялись наступающего войска domestic схола Куркуаса, его разума и смекалки, не меньше

опасались и морских сражений и искусных маневров патрикия Феофана и потому решили вернуться домой. Стараясь пройти незаметно для флота, они в сентябре пятнадцатого индикта ночью пустились в плавание к фракийскому берегу, но были встречены упомянутым патрикием Феофаном и не умели укрыться от его неусыпной и доблестной души. Тотчас же завязывается второе сражение. И множество кораблей пустил на дно, и многих росов убил упомянутый муж. Лишь немногим удалось спастись на своих судах, подойти к побережью Килы и бежать с наступлением ночи. Патрикий же Феофан, вернувшийся с победой и великими трофеями, был принят с честью и великолепием и почтен саном паракимомена»⁴.

Не менее любопытен и рассказ епископа Кремонского⁵ Лиудпранда, прибывшего в качестве посла в Константинополь в 949 г. Сам он не застал русских, но составил описание по рассказам очевидцев:

«Королем этого народа (Руси. – *А.Ш.*) был (некто) по имени Игорь (Inger), который, собрав тысячу и даже более того кораблей, явился к Константинополю. Император Роман (Роман I Лакапин. – *А.Ш.*), услышав об этом, терзался раздумьями, ибо весь флот его отправлен против сарацин и на защиту островов. После того как он провел немало бессонных

---

⁴ Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М.: Логос, 2003. С. 116.

⁵ Город Кремона находился в Италии близ Мантуи.

ночей в раздумьях, а Игорь разорял все побережье, Роману сообщили, что у него есть только 15 полуполоманных хеландий (тип галеры), брошенных их владельцами вследствие их ветхости. Узнав об этом, он велел призвать к себе калафатов, то есть корабельных плотников, и сказал им: „Поспешите и без промедления подготовьте оставшиеся хеландии, а огнеметные машины поставьте не только на носу, но и на корме, а сверх того – даже по бортам“. Когда хеландии по его приказу были таким образом подготовлены, он посадил на них опытных мужей и приказал им двинуться против кораблей Игоря. Наконец они прибыли. Завидев их, расположившихся в море, король Игорь повелел своему войску не убивать их, а взять живыми. И тогда милосердный и сострадательный Господь, который пожелал не просто защитить почитающих Его, поклоняющихся и молящихся Ему, но и даровать им победу, (сделал так, что) море стало спокойным и свободным от ветров – иначе грекам было бы неудобно стрелять огнем. Итак, расположившись посреди русского (флота), они принялись метать вокруг себя огонь. Увидев такое, русские тут же стали бросаться с кораблей в море, предпочитая утонуть в волнах, нежели сгореть в пламени. Иные, обремененные панцирями и шлемами, шли на дно и их больше не видели, некоторые же державшиеся на плаву сгорали даже посреди морских волн. В тот день не уцелел никто, кроме спасшихся бегством на берег. Однако корабли русских, будучи небольшими, отошли на мелководье, чего не смогли

сделать греческие хеландии из-за своей глубокой посадки. После этого Игорь в великом смятении ушел восвояси; победоносные же греки, ликуя, вернулись в Константинополь, ведя с собой многих оставшихся в живых (русских пленных), которых Роман повелел всех обезглавить в присутствии своего отчима (еще один возможный информатор Лиудпранда) короля Хуго (король Италии в 926–947 гг.)»⁶.

В 944 г. князь Игорь вновь идет походом на Царьград⁷. Он собрал большое войско из славян и варягов, причем даже нанял печенежские отряды, взяв на всякий случай в заложники детей их вождей. Традиционно часть рати Игоря шла посуху, а другая часть плыла на судах вдоль берега.

Византийский император Роман был заранее предупрежден греками, жившими в Крыму, о походе русских. В это время империя вела тяжелую войну с арабами, а в Константинополе зрел заговор знати против самого Романа. Поэтому император решил кончить дело миром и отправил к Игорю своих послов.

Византийские послы встретили русское войско уже в Болгарии. Согласно нашей летописи, они обратились к Игорю: «Не ходи, но возьми дань, которую брал Олег, придам и еще к ней». Император послал и печенегам дорогие ткани и много золота. Игорь, дойдя до Дуная, созвал дружину и стал с ней советоваться, соглашаться ли на предложения импера-

---

⁶ Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 291–292.

⁷ Ряд источников относят этот поход к 943 г.

тора. Мнение дружины было таково: «Если так говорит царь, то чего же нам еще больше? Не бившись, возьмем золото, серебро и поволоки! Как знать, кто одолеет, мы или они? Ведь с морем нельзя заранее уговориться, не по земле ходим, а по глубине морской, одна смерть всем». Игорю совет показался разумным, и он отпустил печенегов воевать болгарскую землю, а сам взял у греков золото и паволоки на себя и на все войско и пошел назад в Киев.

В подтверждение предварительной договоренности, достигнутой в Болгарии, в следующем 945 году в Константинополе император Роман и его сыновья Константин и Стефан, а также русские послы подписали новый договор. Позже византийские послы посетили Киев, где князь Игорь и его бояре также поклялись исполнять договор. Замечу, что князь с боярами клялись перед послами на холме у статуи Перуна, а несколько бояр принесли клятву в церкви Св. Ильи в Киеве.

Договор 945 г. установил право великого князя киевского и его бояр отправлять в византийские земли неограниченное количество судов с послами и купцами. В отличие от договора 911 г., по которому послы должны были представлять в Константинополь золотые, а купцы – серебряные печати, теперь устанавливался порядок представления и теми и другими соответствующего документа за подписью киевского князя. Договор обязывал русских купцов не только продавать привозимые ими товары, но и покупать византийские товары. Они были также обязаны не творить никаких

бесчинств на землях императора. Их местопребыванием в византийской столице по-прежнему оставалось подворье в предместье вблизи церкви Св. Мамы. Послам и торговцам, приезжавшим в Константинополь, обеспечивалось содержание, а также продовольствие и снаряжение на обратный путь. Все торговые сделки, в отличие от договора 911 г., должны были облагаться пошлиной. Были установлены и ограничения на объемы закупок шелковых тканей и парчи.

Договоры с Византией 911 и 944 гг. свидетельствуют, что не только русские купцы, но и сам киевский князь и его бояре торговали в Константинополе. Разумеется, они это делали не лично, а через доверенных лиц.

Обычно в год в Босфор прибывали из Киева два каравана русских судов. Один отправлялся в мае – июне, другой – в июле. В год в среднем Константинополь посещали не менее 400–500 русских – послов, купцов, челяди и дружинников. Зимой большинство купцов уезжали на Русь, а в квартале Св. Маманта жили отряды наемников из русов, состоявших на императорской службе.

Императоры очень ценили наемников-русов. Так, при Константине VII отряд русов охранял дворец василевса⁸. В 902 г. русский отряд в 700 человек сражался на острове Крит с арабами, в 917 г. русские воины помогали императору в войне с царем болгарским Симеоном, в 936 г. сражались бок о бок с греками в Италии против лангобардов, в 949 г. рус-

---

⁸ Василевс – титул византийского императора.

ские ладьи в составе византийской флотилии снова ходили на остров Крит.

После смерти князя Игоря власть в Киеве перешла к его вдове Ольге, ставшей регентшей при малолетнем князе Святославе. В 957 г.⁹ Ольга с большой свитой и охраной отправилась в Константинополь. Большинство отечественных историков утверждают, что русская княгиня была принята императором Константином VII с большим почтением. Видимо, тогда был заключен новый договор русских с греками, но никаких сведений о нем не сохранилось.

В Константинополе княгиня Ольга приняла крещение и получила христианское имя Елена. После крещения в византийских источниках того времени русскую княгиню стали величать «архонтиссой»¹⁰ и «дочерью» императора, ставшего ее крестным отцом.

Тем не менее в русских летописях нашлись отголоски конфликтов Ольги с византийцами. В «Повести временных лет» говорится: «Отправилась Ольга в Греческую землю и пришла к Царьграду. И царствовал тогда царь Константин, сын Льва, и пришла к нему Ольга, и увидел царь, что она очень красива лицом и разумна, подивился ее разуму, беседуя с

---

⁹ Есть версии, что поездка Ольги состоялась в 946, 954 или 955 гг.

¹⁰ Титулом «архонт» в византийской литературе X-XI вв. обозначали обычно знатных людей, в том числе и некоторых чужеземных правителей. До этого при обращении к русским князьям византийцы использовали титул «светлый князь». «Архонтами» величали также болгарских царей, правителей венгров, пленных вождей кочевников.

ней, и сказал ей: «Достойна ты царствовать с нами в столице нашей». Она же, уразумев смысл этого обращения, ответила цесарю: «Я язычница. Если хочешь крестить меня, то крести меня сам, – иначе не крещусь». И крестил ее царь с патриархом. Просветившись же, она радовалась душой и телом. И наставил ее патриарх в вере и сказал ей: «Благословенна ты в женах русских, так как возлюбила свет и оставила тьму. Благословят тебя русские потомки в грядущих поколениях твоих внуков».

На самом деле император был женат, да и Ольга была не первой свежести. Важно другое. Сразу после возвращения из Константинополя княгиня отправила посольство в Германию к королю Оттону I. Цель посольства – заключение политического союза и присылка в Киев немецкого епископа с попами для крещения Руси.

В хронике Продолжателя Регинона Прюмского (германского архиепископа Адальберта) говорится:

Под 959 г.: «Пришли к королю (Оттону I Великому), – как после оказалось, лживым образом, – послы Елены, королевы руссов, которая при константинопольском императоре Романе крещена в Константинополе, и просили посвятить для сего народа епископа и священников».

Под 960 г.: «Король праздновал праздник Рождества Христова во Франкфурте, где Лбуций из братии св. Альбана (в Майнце) достопочтенным епископом (бременским) Адальдагом посвящен в епископы руссам».

Под 961 г.: «Лбуций, которого в прошлом году некоторые дела удержали от путешествия, скончался 15 марта настоящего года, в преемники ему был посвящен Адальберт из братии монастыря Св. Максимиана в Трире; сего последнего благочестивейший государь, с обычным ему милосердием, снабдив щедро всем нужным, отправил с честью к руссам».

Под 962 г.: «В сем году возвратился назад Адальберт, поставленный в епископы к руссам, ибо не успел ни в чем том, зачем был послан, и видел свои старания напрасными; на обратном пути некоторые из его спутников были убиты, сам же он с великим трудом едва спасся»¹¹.

Почему миссия Адальберта закончилась полной неудачей, неизвестно. Ряд историков считают, что в Киеве произошел переворот, и язычник князь Святослав Игоревич захватил всю полноту власти, а его мать ушла в «частную жизнь».

В «Повести временных лет» под 6494 (986) г. содержится прямой намек на то, что одним из тех, кто выступил против Адальберта и его людей, был сын княгини Ольги Святослав. Когда к князю Владимиру «придоша немьцы от Рима» с предложением принять католичество, он им сказал: «Идите опять, яко отцы наши сего не прияли суть». О каких «отцах» тут идет речь? Видимо, князь Владимир говорит о Святославе во множественном числе.

Следует отметить, что недоразумения Ольги с византий-

---

¹¹ *Рапов О.М.* Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. М.: Высшая школа, 1988. С. 176–177.

цами не отразились на торговле и военном сотрудничестве между Русью и ромеями. Так, русский отряд был в составе императорских войск, осаждавших в 955 г. Хадат, русские воины находились в ряде пограничных гарнизонов, а в 960–961 гг. русские отряды участвовали на стороне византийцев в боях за освобождение Крита от арабов.

Число христиан после возвращения Ольги в Киев возросло, но большинство горожан оставалось язычниками. Не захотел принять христианства и ее сын Святослав. Молодой князь любил войну и дальние походы. Для начала он обрушился на хазар, совершавших частые набеги на Киевское государство. Дружина Святослава наголову разбила войско кагана и взяла штурмом главный хазарский город на Дону Белую Вежу (Саркел). Затем Святослав разгромил ясов и касогов, населявших Прикавказье. К 966 г. относят арабские писатели поход руссов на волжских булгар, разграбление их главного города Булгара, который служил булгарам складом товаров, привозимых из других стран.

От Булгара Святослав на судах спустился вниз по Волге и взял город Казеран¹², а затем – города Итиль и Семендер¹³.

Примерно в 965–966 гг. Святослав присоединил к своему государству Тмутараканское княжество, расположенное на Керченском и Таманском полуостровах. Кстати, первую по-

---

¹² Местоположение этого города неясно.

¹³ Город Семендер находился на реке Терек между городом Дербентом и рекой Волгой.

пытку захватить Тмутаракань предпринял еще князь Игорь в 944 г. Всего, по подсчетам историков, Святослав с дружиной за три-четыре года прошел 8–8,5 тысячи километров¹⁴.

Весной 966 г. началась война Византии с Болгарией. Кроме того, в империи продолжались войны с арабами в Месопотамии и Сирии. Тогда император Никифор Фока решил прибегнуть к старому византийскому методу «побеждать варваров руками самих варваров» и натравить на болгар русских. С этой целью император послал в Киев патриция Калокира из Херсонеса с пятнадцатью кентинариями золота (то есть 1500 фунтов или около 614 кг). Такая сумма, на мой взгляд, фантастична, но, без сомнения, золота было послано много. По сведениям греческих историков, Калокир подружился со Святославом и прельстил его подарками и обещаниями. И они уговорились: Святослав завоюет Болгарию, оставит ее за собой и поможет Калокиру в достижении императорского престола. А за это Калокир обещал Святославу несметные сокровища из императорской казны.

Так было или иначе, но летом 967 г. войско Святослава отправилось из Киева в поход. Численность его составляла, по византийским источникам, 60 тысяч человек, а по данным «Повести временных лет» – 10 тысяч.

Русские суда спустились по Днепру к Черному морю, а затем вдоль черноморского побережья достигли устья Дуная. Болгарский царь Петр был застигнут врасплох появлением

---

¹⁴ Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества. С. 374.

войска Святослава. Он узнал о приближении противника в тот момент, когда русское войско уже находилось в водах Дуная, выбирая место для удобной высадки на берег. Петр спешно направил навстречу Святославу тридцатитысячное войско, которое попыталось помешать высадке русских. Однако русские витязи бросились в воду прямо с судов, подошедших близко к берегу, и стремительной атакой опрокинули болгар. Узнав о разгроме своего войска, царь Петр скончался от апоплексического удара.

После разгрома болгар планы Святослава кардинально изменились. Теперь речь шла не об обычном набеге и разграблении территории врага, а о закреплении за собой захваченных болгарских земель. Согласно летописи, Святослав публично заявил: «Не любо мне в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае – там середина Земли моей; туда со всех сторон свозят все доброе: от греков – золото, ткани, вина, овощи разные; от чехов и венгров – серебро и коней, из Руси – меха, воск, мед и рабов».

Присоединение Болгарии к Киевскому государству представляло для Византийской империи куда большую угрозу, чем притязания болгарских царьков на дань от Константинополя. В результате императору Никифору Фоке пришлось начать подготовку к войне со Святославом. Он повелел увеличить число тяжеловооруженных всадников, перекрыть цепными (боновыми) заграждениями залив Золотой Рог и т. д.

Параллельно к печенегам были отправлены византийские послы, которые надоумили кочевников напасть на Киев. В результате этого осенью 968 г. Святославу с частью дружины пришлось отправиться на защиту родного Киева, где остались его мать и сын Ярополк.

Святослав прогнал печенегов, но зато услышал горькие упреки княгини Ольги и киевских бояр: «Ты, князь, чужой земли ищешь и блюдешь ее, от своей же отрекся, чуть-чуть нас не взяли печенеги вместе с твоею матерью и детьми; если не придешь, не оборонишь нас, то опять возьмут; неужели тебе не жалко отчины своей, ни матери-старухи, ни детей малых?»

Но это не подействовало на князя-воина, и через несколько дней Святослав отправился в Болгарию. Через три дня после его отъезда умерла княгиня Ольга.

Тем временем в Византии произошел очередной переворот. В конце 969 г. Никифор Фока был убит, а на трон вступил знаменитый полководец Иоанн Цимисхий. Новый император дважды направлял послов в Переяславец, куда вернулся из Киева Святослав. Первому посольству Святослав предложил дилемму – либо огромный выкуп за захваченные земли, либо уход греков из всех европейских владений Византии. Принимая второе посольство, Святослав был настроен еще более воинственно. Он заявил послам, что его войны скоро будут у стен Константинополя. Византийский историк второй половины X в. повествует, что Святослав сказал ви-

зантийским послам: «Мы сами разобьем скоро свои шатры у ворот Византии и возведем вокруг города крепкие заслоны, а если он (император) выйдет к нам, если решится противостоять такой беде, мы храбро встретим его и покажем ему на деле, что мы не какие-нибудь ремесленники, добывающие средства к жизни трудами рук своих, а мужи крови, которые оружием побеждают врага».

Весной 970 г. войско Святослава перешло Балканы и начало опустошать Фракию. Теперь русские уже были не на болгарской, а на византийской территории. Они взяли Филиппополь (современный Пловдив) и дошли до Аркадиополя: «За малъмъ бо бе не дошьл (Святослав) Цесаряграда». До Царьграда оставалось всего лишь четыре дневных перехода по равнине. В Константинополе началась паника.

Под Аркадиополем состоялось большое сражение, но печенеги и венгры, входившие в состав русского войска, дрогнули, и битва была проиграна. Затем было заключено перемирие, и византийцы выплатили русским значительную контрибуцию. Это может показаться парадоксом – победители платят дань! Но все объясняется просто: во-первых, русские сохранили основную часть войска, а во-вторых, в Византии начался мятеж, во главе которого стал Варда Фока, племянник убитого императора Никифора. Согласно условиям перемирия русские ушли в Болгарию.

Однако, подавив восстание Варды Фоки, император Цимисхий в начале 971 г. вероломно нарушил перемирие. Ви-

зантийское войско скрытно прошло балканские перевалы и внезапно появилось под болгарским городом Великий Преслав. Византийцы штурмом овладели городом и перебили как русский гарнизон, так и местных жителей. Лишь небольшому отряду русских удалось пробиться к городу Доростолу на Дунае, где находился Святополк с главными силами.

В апреле 971 г. Цимисхий осадил Доростол. В Дунай вошла византийская флотилия численностью до 300 судов, часть из которых была оснащена «греческим огнем». Византийская флотилия отрезала русским судам выход в море. Осада Доростола продолжалась свыше двух месяцев. В день празднования Перуна (20 июля) русские вышли из Доростола и атаковали врага.

Результат сражения был ничейный, и русским пришлось вернуться в Доростол. Правда, византийцы объявили о своей победе. Во всяком случае, после сражения был подписан мир. Тот же Лев Диакон писал: «Сам Сфендослав (Святослав), израненный стрелами, потерявший много крови, едва не попал в плен; его спасло лишь наступление ночи. Говорят, что в этой битве полегло пятнадцать тысяч пятьсот скифов, (на поле) подобрали двадцать тысяч щитов и очень много мечей... Всю ночь провел Сфендослав в гневе и печали, сожалея о гибели своего войска. Но видя, что ничего уже нельзя предпринять против несокрушимого всеоружия (ромеев), он счел долгом разумного полководца не падать духом под тяжестью неблагоприятных обстоятельств и прило-

жить все усилия для спасения своих воинов. Поэтому он отрядил на рассвете послов к императору Иоанну и стал просить мира на следующих условиях. Тавроскифы уступят ромеям Дористол, освободят пленных, уйдут из Мисии и возвратятся на родину, а ромеи дадут им возможность отплыть, не нападут на них по дороге с огненосными кораблями (они очень боялись „мидийского огня“, который мог даже и камни обращать в пепел), а кроме того, снабдят их продовольствием и будут считать своими друзьями тех, которые будут посылаемы по торговым делам в Византий (т. е. Константинополь), как было установлено прежде... Император... с радостью принял условия (росов), заключил с ними союз и соглашение и дал им хлеба – по два медимна на каждого. Говорят, что из шестидесятитысячного войска росов хлеб получили только двадцать две тысячи человек, избежавшие смерти, а остальные тридцать восемь тысяч погибли от оружия ромеев»¹⁵.

На обратном пути Святослав был убит печенегами на Днепровских порогах. Печенежский князь Куря приказал оковать золотом череп русского князя и сделать из него чашу. Эти подробности вошли во все царские и советские учебники истории.

На самом деле сведения о смерти Святослава крайне противоречивы и загадочны. Но, увы, исследование их выходит за рамки нашего повествования.

---

¹⁵ Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 124–125.

Глава 3

Спор о наследии Византии

С момента своего восшествия на престол султан Мехмед II мечтал стать наследником Римской империи. Завоевание Константинополя материализовало его мечты. Как уверял Мехмеда греческий историк Георгий Трапезундский: «Никто не сомневается, что вы являетесь императором римлян. Тот, кто законно владеет столицей империи, тот и есть император, а Константинополь есть столица римской империи». Мехмед II одновременно объявил себя римским императором, наследником Августа и Константина, и падишахом, что по-персидски означает «тень бога на земле». Не мудрствуя лукаво, Мехмед II назначил монаха Геннадия константинопольским патриархом, поскольку «тень бога» могла обойтись без всяких там Соборов.

Тут следует сделать маленькое, но крайне важное отступление. Не имея возможности противостоять туркам в одиночку, император Иоанн VIII Палеолог решил заключить унию с Римом, надеясь на помощь стран Западной Европы. В итоге в апреле 1438 г. в городе Ферраре (Италия) начался Собор, созванный для соединения церквей.

С 26 февраля 1439 г. заседания Собора были перенесены во Флоренцию. Присутствовавший на Соборе император

Иоанн Палеолог к догматическим спорам был безразличен, его волновало лишь получение реальной помощи от Запада для борьбы с турками. В итоге греки уступили по всем пунктам. Они приняли католический догмат об исхождении Святого Духа, признали папу главой церкви и т. д.

Я умышленно не привожу подробных сведений о различиях в обрядах Восточной и Западной церквей. На мой взгляд, все унии католиков с православными имели целью не сближение вероучений, а подчинение православия римскому папе. Как уже в наши дни остроумно заметил один из иерархов православной церкви: «Мы не против объединения церквей, но при главенстве московского патриарха».

5 июля 1439 г. уния была подписана всеми греческими делегатами, за исключением одного лишь епископа Марка Эфесского. Русский митрополит Исидор поставил красноречивую подпись под актом о соединении с Римом: «подписуюсь с любовью и одобрением». Роль Исидора в деле заключения унии была столь велика, что папа выказал ему свое особенное расположение. Исидор перед отъездом на Русь получил кардинальскую шапку и титул «*legatus de latere*» («легата от ребра апостольского»). Его юрисдикции подчинялись не только Русь и Литву, но также Ливония и Польская Галиция¹⁶.

Вскоре Исидор неспешно двинулся домой, на Русь, повсюду призывая православных причащаться вместе с като-

---

¹⁶ Материалы сайта www.sedmitza.ru // Лекторий. Лекция 11 от 12.07.2002.

ликами.

Митрополит Исидор прибыл в Москву в Великий пост 1441 г. Перед ним как перед папским легатом и кардиналом несли латинский крест – «крыж ляхкий». Митрополит стал совершать богослужение в Успенском соборе Кремля. За ектениями он велел на первом месте поминать имя папы Евгения, а не патриарха Константинопольского. По окончании службы Исидор велел зачитать с амвона главного храма России акт об унии Константинопольского патриархата с Римом. Затем митрополит передал великому князю послание от папы Евгения с призывом помогать Исидору в деле утверждения унии. Папе, а не патриарху, как раньше, пропели многолетие.

Через четыре дня после прибытия в Москву Исидор по приказу Василия II был схвачен и заключен в Чудов монастырь в Кремле. Василий II назвал его «латинским ересным прелестником» и «волком в овечьей шкуре».

В Москве давно знали о ходе Флорентийского собора. Спутник Исидора суздальский епископ Авраам прибыл в Москву еще 19 сентября 1440 г. Так что времени для принятия решения у Василия II и у его иерархов было более чем достаточно.

Современные церковные историки стремятся сделать Василия II спасителем православия: «Исидору дают возможность максимально изобличить себя как отступника от Православия, и лишь затем инициативу берет на себя великий

князь. Это, вероятно, тоже не случайно. После Флорентийского собора в мире нет уже ни православного Вселенского Патриарха, ни православного императора, есть лишь одна верная Православию Поместная Церковь – Русская. И отныне она тождественна Вселенской Церкви. Прежде занимавший заурядное место в имперской теократической системе великий князь Московский и всея Руси теперь осознал себя как подлинный преемник православного царского достоинства, настоящий епископ внешних дел Церкви, каким мыслили себя, начиная с Константина Великого, все Императоры Ромеев. Даже само царственное имя Василия, наверное, было им осмыслено в это время как призвание быть возглавителем того православного остатка, с которым после унии еще можно было связывать понятие еправославный мир».

Дело кончилось заключением под стражу митрополита Исидора. В конце концов ему пришлось убираться из Руси подобру-поздорову. Исидор отправился в Рим, где папа утешил его кардинальской шапкой.

Из-за убоицы в Великом княжестве Московском избрание рязанского епископа Ионы митрополитом состоялось лишь 15 декабря 1448 г. Теперь московские власти уже не считали нужным спрашивать об этом Царьград.

Надо ли говорить, что на Руси как церковные, так и светские власти считали падение Второго Рима наказанием за вероотступничество?

И вот 6 января 1454 г. монах Геннадий Схаларий, вызво-

ленный султаном из турецкого рабства, получил буквально из рук Мехмеда II знаки патриаршего служения – мантию, пасторский жезл и наперсный крест. Отмечу, все греческие епископы будут назначаться патриархом с согласия султана. Самое интересное, что Мехмед II не дал Геннадию никакой характеристики (грамоты), определяющей положение православной церкви в Османской империи.

Естественно, что в такой ситуации независимость Русской православной церкви стала вопросом времени.

А теперь вернемся к турецким завоеваниям. Большое значение для военных успехов турок имело создание регулярной пехоты, получившей название янычар¹⁷. Первый янычарский отряд был сформирован из военнопленных еще при султани Орхане (1326–1359) и насчитывал всего тысячу человек. При Мураде II (1421–1444), когда потребность в пехоте резко возросла, метод комплектования янычарского войска был изменен: с 1438 г. начался систематический набор христианских детей для подготовки в янычары в порядке принудительной разверстки или своеобразного «живого налога». Оторванные от семьи, подчиненные строгой дисциплине, отданные в обучение представителям мусульманской религиозной организации (дервишскому ордену бекташей), обязанные соблюдать устав бекташей, в том числе обет безбрачия, янычары превратились в замкнутую военную корпорацию феодального войска – гвардию турецких султанов.

---

¹⁷ Янычар – от турецкого выражения «ени чери» – «новое время».

В XV в. турецкая артиллерия была самой сильной в мире как по числу орудий, так и по их огневой мощи. Любопытно, что под стенами Константинополя первый и последний раз в истории одновременно применялись «греческий огонь», метательные машины и огнестрельная артиллерия.

В XVI в. Турция становится сильнейшим государством Европы. Мехмед II создал мощный флот, в составе которого было около трех тысяч кораблей. В ходе войны с Венецией и Генуей туркам удалось захватить большую часть островов в Эгейском море. Венецианцам удалось удержать только Крит, который турки заняли лишь в 1669 г. В Италии турки взяли небольшой городок Отранто, контролировавший вход в Адриатическое море. Мехмед II готовил большой поход для захвата Италии, но в связи со смертью султана он расстроился.

В 1526 г. турецкие войска взяли Белград и разгромили венгеро-чешское войско под Мохачем. В 1529 г. турки осадили Вену, но взять ее не сумели. По договору 1547 г. между Турцией и Священной Римской (Австрийской) империей Венгрия оказалась разделенной между двумя империями.

В Азии в 1515 г. к Турции присоединилась часть Армении с городом Эрзерумом и северная часть Ирака с Моссулом.

Летом 1516 г. турецкая армия под командованием султана Селима I (1512–1520) вторглась в Сирию. В сражении под Холебом войско мамелюков было разбито. Существенную роль в этом сыграла турецкая артиллерия. В начале 1517 г. армия Селима I вступила в Каир. К концу 1517 г. Сирия,

Египет, а также все побережье Аравии вдоль Средиземного моря вошли в состав Османской империи. Эти территориальные захваты имели не только политическое и военное, но и огромное религиозное значение. Дело в том, что правители Сирии и Египта считали себя Аббасидами, потомками багдадских халифов, как их называли в Европе – «папами Востока». Действительно, многие века багдадский халиф считался религиозным главой мусульман. Турецкий султан стал наследником халифов, ему торжественно были преподнесены ключи от мекканского храма Каабы (главного мусульманского святилища).

С тех пор турецкие султаны стали считать себя халифами и «тенью Аллаха на земле». Таким образом, султаны присвоили себе право быть духовными главами всех мусульман мира, независимо от их государственной принадлежности. Считалось, что турецкий султан имеет право назначить или сместить всех священнослужителей высшего ранга и получать шариатские налоги. Турецкие султаны широко использовали свою духовную власть в собственных интересах. Принципы халифата были отменены только Кемалем Ататюрком в XX в.

В 1534 г. турецкие войска заняли южный Ирак и вышли в районе города Кувейта к Персидскому заливу.

В 1537 г. турки снарядили большой флот для похода в Индию, но потерпели неудачу.

В конце XVI в. население Османской империи достигло

25–30 миллионов. В это время владения турецких султанов простирались на 7 тыс. км с востока на запад и на 5 тыс. км с севера на юг, занимая территорию примерно 8 млн кв. км.

Продвижение турков в Венгрии, Африке и Передней Азии не затрагивало непосредственно интересы московских князей. Однако попытка султанов подчинить себе татарские орды грозила гибелью Московии и всей Руси.

Крымский хан Хаджи-Гирей впервые в союз с турками вступил в 1454 г., всего через несколько месяцев после падения Константинополя. В июне 1456 г. была проведена первая совместная турецко-татарская операция против генуэзцев в Каффе. Эта акция закончилась подписанием мирного договора, согласно которому генуэзцы стали платить дань туркам и татарам.

А в мае 1475 г. турецкая эскадра под командованием верховного визиря Кедука-паши высадила десант в Каффинском заливе. С берега десант поддерживали татарские отряды Менгли Гирея. На пятый день Каффа пала. Город стали называть по-турецки – Кеффе. Он стал главным опорным пунктом Турции в Крыму. Турецкие войска разгромили и заняли княжество Феодоро и все города южного побережья Крыма. С генуэзским присутствием в Крыму было покончено. Затем турки захватили Таманский полуостров.

Весной 1484 г. объединенные войска султана Баязида II и крымского хана Менгли Гирея напали на Польшу. 14 июля 1484 г. они захватили важнейший порт в устье Дуная –

крепость Килию, 4 августа заняли Аккерман (современный Белгород-Днестровский) – крепость в устье Днестра. Теперь Турция и Крымское ханство владели всем побережьем Черного моря от устья Дуная до устья Днестра. Во всех завоеванных городах были оставлены большие турецкие гарнизоны. Крымские татары на захваченных землях образовали свое государство – Буджицкую Орду.

23 марта 1489 г. Польша подписала мирный договор, по которому Турция оставляла за собой захваченные земли в Северном Причерноморье.

Таким образом, в конце XV в. Турции удалось закрепить-ся в Крыму и Северном Причерноморье. Крымское ханство на 300 лет стало вассалом Турции.

В первой половине XV в. Золотая Орда постепенно распада-лась на ряд полунезависимых территорий. Так, в бывшем Булгарском царстве образовался особый юрт – Казанский. Здесь уже во второй половине XIV в. стали властво-вать самостоятельные мурзы – Булак-Темир, Асан и другие; а в 1437–1438 гг. утвердился низложенный хан Золотой Орды Улу-Мухаммед, которого считают первым независимым казанским ханом.

В июне 1445 г. хан Улу-Мухаммед послал в очередной на-бег на Русь своих сыновей Мамутяка и Якуба. 7 июля у стен Спасо-Евфимьева монастыря под Суздаlem произошло сра-жение татар с войском Василия II. Татары вдребезги разби-ли московское войско, а сам великий князь попал в плен. В

плону Василий Васильевич со страху согласился на огромный выкуп в 200 тысяч рублей, а также обещал дать Касиму, сыну Улу-Мухаммеда, удел на реке Оке. Так на русской земле в Мещерском крае появился татарский удел, так называемое Касимовское царство. Согласно договору Василия II с Улу-Мухаммедом московский и рязанский князья должны были платить дань («выход») Касимовскому царству. Обратим внимание – в договорах 1445–1446 гг. между Казанью и Москвой не упоминается Золотая Орда.

После смерти Улу-Мухаммеда на казанский престол вступил его старший сын Махмуд, которого русские называли Мамутяк.

В 1480 г. Московское государство уже «де-юре» стало независимым от Золотой Орды. Касимовские же татары при великом князе Иване Васильевиче стали его как бы гвардией, а дань постепенно стала рассматриваться как жалованье. При этом под рукой московских князей были не только воины, но и законные претенденты на казанский престол.

С этого времени начинается соперничество между Москвой и Крымом за казанский престол. Москва пыталась посадить там ханов из касимовской династии, а Бахчисарай – Гиреев. Турецкий султан в свою очередь пытался сделать Казанское ханство своей вассальной территорией наподобие Крымского ханства. Естественно, это представляло страшную угрозу для Москвы.

Теперь стал вопрос: кто кого? За войной 1521 г. последо-

вали русско-казанские войны 1523–1524, 1530, 1536, 1545, 1549 и 1550 гг. И это не считая почти ежегодных татарских набегов.

Однако и в 30–40-х гг. XVI в. русское правительство не теряло надежды уладить отношения с Казанью мирным путем. Козырной картой в такой ситуации оставался хан Шах-Али (как его называли в русских летописях – Шиг-Алей).

В 1549 г. умер казанский хан Сафа-Гирей, племянник крымского хана Сагиба Гирея. Сторонники Крыма сделали новым ханом сына Сафы двухлетнего Утемиш Гирея. Русское правительство сочло момент подходящим, чтобы навсегда выкинуть Гиреев из Казани.

Зимой 1549/1550 г. царь Иван IV (еще не Грозный) двинулся с большим войском под Казань. Вместе с ним был хан Шах-Али и многие знатные казанцы. 14 февраля 1550 г. русские войска подошли к стенам Казани и начали осаду, однако, в связи с ненастной весной, через 11 дней русские вынуждены были отойти.

Весной 1551 г. в устье реки Свияги русские за четыре недели построили город Свияжск. Обитатели правого берега Волги («горной стороны») – чуваша, мордва, черемисы – присягнули на верность московскому царю и отказались иметь какое-либо дело с казанскими ханами. Постепенно в Свияжск к Шах-Али стали перебегать казанские мурзы. В начале августа 1551 г. в Казани произошел антикрымский переворот. Большая часть крымских татар бежала из города,

часть была убита, а часть – выдана русским. Среди последних был малолетний хан Утемиш-Гирей (по русским летописям – Утямыш). Новые власти обратились с просьбой, чтобы Иван IV дал им хана Шах-Али. Царь согласился.

14 августа 1551 г. у стен Казани состоялась курултай (народное собрание), на котором Шах-Али был признан ханом. С трудом прошли на курултае два предложения московских бояр – о передаче «горной стороны» России и выдаче всех русских пленников, находившихся на тот момент в Казанском ханстве. Под страхом смертной казни казанцам запрещалось удерживать русских рабов.

16 августа Шах-Али торжественно въехал в Казань. Вместе с ним в город был введен русский гарнизон из 300 касимовских татар и 200 русских стрельцов. На следующий день в Казани было освобождено 2700 русских рабов. Уже через несколько дней в Свияжске пришлось выдавать хлеб 60 тысячам отпущенным русским рабам.

Понятно, что не всем хотелось отпускать рабов. Были и другие причины недовольства правлением Шах-Али. Возникли заговоры, реакцией Шах-Али стали массовые казни. Вскоре выяснилось, что хан не в состоянии управлять страной. Промосковски настроенные мурзы отправили в Москву послов с жалобами на Шах-Али и просили убрать его, заменив московским наместником. В Москве знали о шатком положении Шах-Али и очень боялись реставрации Гиреев. Поэтому Иван IV согласился на устранение Шах-Али,

и в Казань был послан наместник князь С.И. Микулинский с войском. При этом предусматривалось не простое включение Казанского ханства в состав русских земель, а, говоря современным языком, конфедерация двух стран. В Казани оставалась мусульманская администрация и независимая финансовая система. Ограничением прав местной администрации была выдача поместий феодалам, но и это решал не наместник, а сам царь.

Шах-Али безропотно согласился оставить престол, но передавать власть московскому наместнику считал ниже своего достоинства и 6 марта 1552 г. выехал с гаремом в Свияжск.

9 марта в Казани произошел переворот, когда князь Микулинский был почти у ворот города. Сил для взятия города у князя Микулинского было мало, да он и не имел соответствующих инструкций от царя, поэтому ему пришлось возвратиться в Свияжск. Проект конфедерации рухнул. Присоединить Казанское ханство к России мирным путем не удалось.

Казанцы пригласили на ханство астраханского царевича Ядыгара (Едигера), потомка Тимура Кутлу. В Казани был устроен погром, в ходе которого перебили русских стрельцов и купцов.

5 августа 1552 г. 150-тысячная русская армия вступила в пределы Казанского ханства. 23 августа Казань была окружена. 150 осадных орудий начали обстрел города.

2 октября 1552 г. Казань была взята приступом, а хан Яды-

гар пленен. Уже тогда у царя Ивана стали появляться признаки патологической жестокости, идущей во вред государственным интересам. Он приказал перебить в Казани всех мужчин. При этом было убито много женщин и детей. Для въезда Ивана в город смогли «едину улицу очистить к царскому двору от Муралеевых ворот мертвых понести, и едва очистили», а расстояние от ворот до дворца было около 200 метров.

Вопреки сложившемуся мнению, война не была закончена со взятием Казани, а продолжалась до конца 1556 г.

В конце XV – начале XVI в. Турция бросила военный и идеологический вызов Руси, приняв в подданство Крымское и Казанское ханства. С военной точки зрения Русь в начале 20-х гг. XVI в. была поставлена на грань гибели, и борьба с Гиреями стала вопросом жизни и смерти. Взятие Казани было не следствием завоевательской политики Ивана Грозного, а жизненной необходимостью русского государства.

Идеологическая же агрессия Турции состояла в том, что султан объявил себя повелителем всех мусульман. Таким образом, ему должны были подчиняться не только правоверные в Крыму, Казани и Астрахани, но даже в Касимове, под боком у Москвы. Борьба с идеологической агрессией только с помощью пушек было довольно бесперспективно, поэтому русские начали ответное идеологическое наступление под лозунгом «Москва – Третий Рим».

В 1470 г. великий князь Иван III объявил, что констан-

тинопольский патриарх не имеет больше никаких прав по отношению к Русской церкви. Тем не менее и Иван III, и его сын Василий, и «свирепый внук» Иван IV по-прежнему запрашивали у патриарха утверждение нового митрополита. Но это был чисто формальный акт, ни о каком отказе теперь и речи не могло идти.

Постепенно на Руси зреет мысль о том, что следует восполнить отсутствие православного императора. В июне 1472 г. Иван III обвенчался с Софьей Палеолог, племянницей последнего императора Константина IX. И вот уже в 1483–1484 гг. в ряде документов появляется титул «царь».

Надо ли говорить, что замена московского герба с Георгием Победоносцем на новый с двуглавым орлом была предложена исключительно для внешнего потребления, чтобы доказать, что Россия является Третьим Римом и наследницей Византии. Для Византии двуглавый орел означал раздел Римской империи на Западную и Восточную, а для России это было нонсенсом, говоря современным языком – черномыльским мутантом. Также для внешнего потребления Иван IV сам себя объявил царем (искаженное от «цезарь»). В России никаких кесарей ранее не водилось, и власти Ивану от нового титула не убавилось, не прибавилось. Это тоже была претензия на византийское наследство.

В 1492 г. митрополит Зосима в предисловии к труду «Изложение пасхалий» писал: «Император Константин построил Новый Рим, Царьград; господин и повелитель всей Ру-

си, Иван Васильевич, новый Константин, положил основание новому граду Константина – Москве»¹⁸.

В феврале 1498 г. Иван III короновал себя с помощью митрополита Симона как «царя, великого князя и государя всея Руси», а своего внука и наследника Дмитрия провозгласил великим князем. На церемонии коронавания, которая была почти точной копией византийской, митрополит поручал царю «заботиться о всякой душе и о всем христианстве». Титул царя теперь стал официальным и подразумевал, что русский монарх теперь перед Богом является главой православия, то есть истинно христианского мира.

Точки над «і» расставил монах псковского Елизарова монастыря Филофей. В 1511 г. он отправил Василию III послание, где говорилось: «Благодаря верховной, всесильной и вездеприсутствующей Деснице Божией правят цари. Она воздвигла и тебя, светлейшего и высочайшего повелителя и великого князя, православного христианского царя и государя всех, владыку пределов святых престолов Божиих, святых, вселенских и апостольских Церквей Пресвятой Богородицы... вместо Рима и Константинополя... Теперь сияет во всей вселенной, подобно солнцу в небесах, Третий Рим, твое самодержавное царство и святая соборная апостольская Церковь, в православной христианской вере... Посмотри,

---

¹⁸ Цит. по: *Рансимэн С.* Великая церковь в пленении. История Греческой церкви от падения Константинополя в 1453 г. до 1821 г. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2006. С. 329.

благочестивейший царь, что все христианские царства объединяются с твоим. Ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не быть; ибо твое христианское царство не перейдет ни к кому другому по могущественному слову Божию».

Итак, к концу XVI в. две великие империи – Россия и Порты, – еще не имея общей границы, стали великими антагонистами. Султан считал себя властелином миллионов русских подданных мусульман, а царь – защитником миллионов православных турецких подданных и владельцем константинопольской вотчины, которая по совместительству была султановой столицей.

Покорение Казани для Москвы было лишь промежуточной целью. Турецкий султан Сулейман II претендовал на Астраханское ханство. Кроме того, занятие Астрахани обеспечивало Руси свободный выход к Каспийскому морю.

В Стамбул из Крыма полетели отписки: этим летом к Астрахани идти нельзя, потому что безводных мест много, а зимой к Астрахани идти – турки стужи не поднимут, к тому же в Крыму голод большой, запасами подняться нельзя.

На следующий год Девлет-Гирей постарался вовсе отклонить султана от похода на Астрахань. «У меня, – писал он, – верная весть, что московский государь послал в Астрахань 60 000 войска; если Астрахани не возьмем, то бесчестие будет тебе, а не мне; а захочешь с московским воевать, то вели своим людям идти вместе со мною на московские украинны: если которых городов и не возьмем, то по крайней мере зем-

лю повоюем и досаду учиним».

Параллельно Девлет-Гирей бомбардировал посланиями царя Ивана, в которых он подробно рассказывал о намерениях султана, и усиленно шантажировал царя. Хан предлагал отдать Крыму Казань и Астрахань, мотивируя тем, что иначе их заберут турки. Вряд ли хан всерьез надеялся получить их, во всяком случае, с царя можно было содрать огромные поминки (то есть единовременную дань). О Казани и Астрахани царь Иван резонно ответил: «Когда то ведется, чтоб, взявши города, опять отдавать их».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.